

А. ВОРОТНИКОВ

ЛЕГЕНДЫ И БЫЛИ ГОРНОЙ КОЛЫВАНИ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Александр Иванович Воротников — старейший мастер Колыванского камнерезного завода имени И. И. Ползунова (бывшая Колыванская шлифовальная фабрика). Он начал работать на фабрике ещё до того дня, когда отмечалось её столетие.

Род Воротниковых удалось проследить по архивным документам со второй половины XVIII века. В 50-х годах XVIII века солдат Воротников был послан с пакетом из Кабаньей пристани на Чарыше в Барнаул И. И. Ползуновым. Сын этого солдата Андрей Воротников по окончании горнозаводской школы в Барнауле был взят выдающимся русским академиком В. В. Петровым в основанное им Барнаульское горное училище. Под руководством В. В. Петрова Андрей Воротников обучался два года, а затем работал на Змеиногорском руднике. Никита Андреевич Воротников был мастером на Колыванской шлифовальной фабрике при Стрижкове.

Прадед автора — Трофим Никитич Воротников работал при Лаулине и Вецеле шлифовальщиком. Дед — Тит Трофимович Воротников родился в 1821 году, а умер в 1891 году. Он работал резчиком по камню. Отец — Иван Титович Воротников также работал на Колыванской шлифовальной фабрике. Таким образом, род Воротниковых на протяжении всей истории Колыванского камнерезного завода принимал участие в изготовлении изделий из камня.

Александр Иванович Воротников сейчас персональный пенсионер. До сих пор он помогает заводу выпускать художественные изделия, руководя их обработкой. Не раз слушал он рассказы старых мастеров, работавших ещё в 30-х годах XIX века, о прошлом старейшего предприятия края. А. И. Воротников помогает краеведам восстанавливать историю своего завода. Ряд экспонатов при его содействии и непосредственном участии удалось найти и поместить в залах Алтайского краевого музея. А. И. Воротников знает много интересных преданий и легенд, которые часто рассказывает туристам, посещающим Горную Колывань.

В августе 1952 года совпадает три юбилея Горной Колывани: 225 лет со дня постройки на её территории старейшего предприятия в Западной Сибири — Колывано-Воскресенского медеплавильного завода; 150 лет со дня пуска в действие Колыванской шлифовальной фабрики; 5 лет со дня присвоения Колыванскому камнерезному заводу имени Ивана Ивановича Ползунова.

Готовясь к юбилеям Горной Колывани и Колыванского камнерезного завода, А. И. Воротников решил записать и привести в систему свои воспоминания и те рассказы, которые он слышал от старых мастеров. Эту запись он передал мне, прося подготовить к печати. Я постарался сохранить не только план этой рукописи, но и весь фактический материал, изложенный в ней.

Н. САВЕЛЬЕВ,

заведующий отделом истории Алтайского краевого музея.

I

В живописном месте расположен наш рабочий посёлок Горная Колывань. В окрестностях его по горам и низинам гранитные камни, громоздясь друг на друга, образуют высокие скалы причудливых форм. Уступы скал, словно ковровыми дорожками, покрыты лишайниками разных расцветок. Идешь по дороге, а скалы то обступают тебя со всех сторон, то прячутся за кудрявыми берёзами, соснами, пихтами, осинами, то появляются на вершинах сопок, рисуясь в синеве неба, точно манят в край чудес алтайского камня.

Журчит невидимый ручей, бегущий по каменной осыпи в зарослях черёмухи, рябины, жимолости, малины, смородины. Вдали голубеет скалистая вершина красавицы Синюхи, и плывут над ней белые облака. Век бы смотрел на эту красоту, вдыхая полной грудью прятный воздух.

Густой бор был прежде на этом месте. Вековые сосны гордо поднимали ввысь свои верхушки. Далеко-далеко на север и запад уходили леса, тесня поля и дуга водораздела рек Чарыша и Алея. О чём шепчет лес, кивая вершинами? О чём рокошет ручей? Не о тех ли далёких временах, когда окаменели от ужаса лесные чудовища, превратившись в скалы, видя гибель красавца Колыванского бора под топором хищных промышленников?

Давно-давно в бору на месте нынешней Горной Колывани возникла крепость — форпост на границе России. Улица, на которой я живу, сейчас называется Революционной, а до советской власти звали её Крепостной. Сохранилось и более старое её имя — Крепостной вал, так как здесь был земляной вал, укрепленный камнем, окруженный с одной стороны глубоким рвом. И сейчас ещё видны следы этих сооружений, за которыми прятались заводские постройки.

Горы вокруг Колывани названы Будкой, Фабричной и Караульной. Были на них тогда караульные посты. К подножью горы Фабричной примкнула плотина, а за нею, прячась между обрывами, в старинных зданиях расположен наш Колыванский камнерезный завод имени Ивана Ивановича Ползунова, бывшая Колыванская шлифовальная фабрика.

Вдоль крепостного вала высились, выдаваясь вперёд, бастионы. Много времени прошло с тех пор, но и сейчас ещё четыре холма называют бастионами. Первый из них неподалеку от моей квартиры. Не всё ещё стёрло время. Западнее меня высится холмик Второго бастиона, а на юге Колывани — Третий и Четвёртый бастионы. Где-то здесь высились башни проезжих ворот, пропускавших подводы с углём и рудой.

Изогнувшись крутою скобой, упирался восьмисотметровый вал своими концами в Будку и крутояр речки Белой. Далее продолжали его горы Караульная и Фабричная.

У подножья Первого бастиона, там, где он примыкал к крепостному валу, небольшая яма. Это всё, что осталось от бывшего погреба, в котором хранились ядра и порох для пушек. Малые и большие пушки, грозно смотревшие вдаль с бастионов, долго хранились в Горной Колывани. Со всем недавно одну из них увезли в Барнаул в краевой музей. Чугунные ядра и сейчас ещё часто выкапывают в своих огородах жители Горной Колывани.

Посёлок наш, Горная Колывань, старинный. 225 лет исполняется нынче с того времени, когда вырос на его территории первый в нашем крае завод. Это и явилось причиною постройки крепости с бастионами, валом и рвом. Позднее целая линия таких крепостей шла от города Бийска до Усть-Каменогорска (на Иртыше). Ближние из них были от Колывани в 50—60 километрах по направлению на восток. Называли эту линию крепостей Казачьей линией. Сюда с просторов оренбургских степей, с берегов реки Урала посланы были казаки для охраны личных заводов царя. В неприступных и труднопроходимых местах расположились казачьи заслоны, чтобы не пропускать в глубь Алтайских гор беглых с заводов да на всякий случай быть готовыми, если кто-либо посянёт на собственность царя.

Беглые стремились уйти от царской кабалы как можно дальше в горы. Немало было среди них таких, которые из-за Урала приходили сюда в надежде обрести свободу и землю. Но казачий заслон нередко лишал их этой надежды, превращая в крепостных царя.

Много разных легенд слышал я о том, почему наш посёлок зовут Колыванью. Иные говорят, что такое имя носил начальник крепости. Чем он был знаменит — неизвестно, но будто бы и та Колывань, что на Оби, в Новосибирской области, также носит его имя.

Старики рассказывали, что не начальник, а мастеровой был тому причиною. Ещё шумела тайга и не было в ней жилья человека, когда, пробираясь звериными тропами, рудознатец Иван нашёл здесь богатую жилу медной руды. Раньше рудники часто назывались по имени первооткрывателя руд. Черепановский, Карамышевский и многие другие рудники сохраняют и ныне имена таких людей. Где в сплошной тайге найдёшь второй раз ту же самую жилу, если не оставить приметы? Кто и найдёт её, может подумать, что первым пришёл и увидел её богатства. И решил Иван помимо других примет сделать свою — особую. Вытесал он кол, написал на нём своё имя «Иван» и глубоко вкопал там, откуда рудные места видны.

Спрятав несколько образцов в свою сумку, он пошёл пытаться счастье дальше. Но куда ни придёт, есть вроде руда, да не так богата, как здесь. Долго бродил по оврагам, ручьям, поднимался на сопки, спускался в долины. Нет больше такого обильного месторождения. Так и ушёл на Урал.

Узнали приказчики Демидова про находку Ивана. Чуть не чистая медь в образцах. Доложили хозяину: так, мол, и так — в предгорьях Алтая найдена богатая жила в бору. Нет там казённых заводов и никто про ту медь не знает. Приказал Демидов идти на Алтай, посмотреть, много ли руды в той богатой жиле. И повёл Иван приказчиков Демидова к заветному месту. Скоро ли найдёшь в лесу забытый кол? Рыскают приказчики, пытаются у Ивана, где он приметку свою оставил, а он и сам найти не может — мало ли гор исходил, мало ли речек, ручьёв и оврагов миновал. То ли приказчики озлобились и убили Ивана, то ли убежал он от них, только пришлось им одним поиски продолжать.

Бродят они по бору, в голове одна мысль — кол Ивана найти. Как это случилось — неизвестно, только нашли они заветную приметку. Видят — место удобное, чтоб завод поставить, а руды и в помине нет. Торчит один кол и на нём «Иван» написано. Вскоре поблизости отыскали и медную жилу. А завод решено было строить там, где кол Иван вкопал. Кол да Иван, а вместе — Колывань получилась. Этим именем заводской посёлок и назвали, а первый рудник Колыванским.

Есть и такая легенда: Давным-давно это было и, как говорят, былью поросло. Стояли тогда на страже русской земли в окрестностях нашей Кольвани в глухой тайге русские богатыри: Илья Муромец, Алёша Попович да Добрыня Никитич. С ними вместе был и молодой богатырь Кольван Иванович. Охотник он был свою силушку показывать, и складывал из огромных каменных глыб скалы-причуды.

Долго стояла богатырская стража, и повсюду оставил дивные скалы богатырь Кольван. Подойди к такой скале с одной стороны — она точно птица, почему только не летит? Станешь обходить её, и вот она то зверем лесным, то человеком, а то резным теремом обернётся. Люди работой Кольвана Ивановича не налюбуются. Так и звать их стали: горы Кольвана. Много таких скал оставил он у озера на краю тайги и потому, по преданию, ему имя дали — озеро Кольван. А как заводской посёлок построили, имени у него сначала вовсе не было. Кто ни соберётся ехать в посёлок, обязательно Кольвана вспоминает. Так имя посёлка и получилось.

Теперь озеро Кольванским называют, горный хребет — Кольванскими горами, а посёлок наш — Горной Кольванью. Пойми тут, где сказка, где правда?

Имя же завода нашего, который Кольванским долго назывался, перешло и на все заводы, которые на Алтае находились. Обширный край долгое время Кольвано-Воскресенскими заводами звали.

Много озёр в окрестностях Горной Кольвани, а сколько ручьёв и речек стекает с Кольванских гор — не сосчитать. Некоторые из них от памятных событий, случившихся в старину, название своё получили.

В 18 километрах севернее Горной Кольвани есть Казачье озеро, а на пути к нему один из ключей Переключным именуют. Говорят, ещё при Демидове у того озера был пост казаков. Демидов их пригласил охранять места, где уголь выжигали и лес валили. Между делом казаки и завод берегали. Много крестьян, закабалённых приказчиками Демидова, в лесу собиралось уголь жечь, и чтобы не сбежал кто из них, каждый день им переключку делали утром да вечером на большой поляне у ключа.

Если случалось убежал кто и на переключке о том узнавали, тотчас казакам на их пост сигнал передавали. Вихрем летели казачьи верховые отряды по следам беглеца и, бывали случаи, настигали его и обратно приводили. И на той же поляне во время переключки пойманного проводили сквозь строй, избивая безжалостно батогами. Немало людей погибало от такой расправы. С той поры озеро и зовётся Казачьим, а ключ Переключным.

II

Заводчик Акинфий Демидов, протянувший свои щупальцы с Урала на Алтай, подневольным трудом свои заводы и рудники строил. Горько жилось работным людям. Сейчас часто в старых, давно заброшенных шахтах находят кандалы, наручники, тачки с цепями. Страшные находки! В эти цепи заковывали тех, кто в бегах находился и пойман был. Накажут его батогами, а затем к тачке прикуют и в цепях заставляют работать.

Подневольным трудом по приказу Демидова был построен и медеплавильный завод на том месте, где наш Кольванский камнерезный стоит. Не было ещё на Алтае заводов, когда в 1727 году выстроили этот завод и назвали Кольвано-Воскресенским.

Ещё недавно на реке Локтевке около Кольванстроя памятник был. Маленькой пирамидкой из гранитных плит он был сделан. Надпись на

нѣм такая: «Прежде бывшей Колыванской завод, устроаемой в 1725 г. заводчиком госпо. Демидовым». Памятник не иначе как колыванские камнерезы делали, и они же и надпись вырезали. Читал я, что памятник был поставлен в 1825 году, к 100-летию постройки первого на Алтае завода.

Если верить надписи, то выходит, что будто бы раньше нашего завода Демидовым был построен завод на Локтевке. Был я не раз там и памятник видел. Теперь его нет, а когда разбирали памятник, я подобрал тот камень, на котором надпись сделана была. Хранили на нашем заводе этот камень, а совсем недавно передали его краевому музею.

Только нет никаких примет, чтобы на том месте завод когда-либо был. Нет там плотины да, как видно, и не было. Около заводов старых всегда легко найти груды шлака, а там и шлака найти не удалось. По рассказам стариков и по книгам, насколько мне известно, в 1725 году на том месте приказчики Демидова построили всего одну плавильную печь, чтобы руду испытать.

Руду испытывали на первоначальном Колыванском руднике — в пяти километрах от Колывани. Видать по всему, руда оказалась богатой, и вскоре было решено настоящий завод строить. Печку забросили, а завод построили на речке Белой и назвали Колывано-Воскресенским, потому что кроме Колыванского рудника доставляли руду на него с другого, названного Воскресенским. Ошиблись строители памятника, посчитав единственную пробную печь за целый завод, и потому надпись на бывшем памятнике всерьёз принимать не следует.

Воскресенский рудник в пятнадцать километрах вниз по Белой, около деревни Рудовозовой был. Старые шахты там и сейчас целы. Почему его Воскресенским назвали? Пишут в книгах, что будто бы он был открыт в воскресенье, а по преданиям это вот как было.

Истари воскресенье праздником было. У Демидова свои порядки существовали. Никаких праздничных дней он не признавал, и работали у него всю неделю без перерыва. Тот приказчик, что добычей руды ведал на Воскресенском руднике, по-своему на праздники смотрел. То ли он немец был или другой какой нации и веры, только решил нарочно воскресный день превратить в день истязания мастеровых. Бывало, заснёт ли кто на работе, сломает ли кайду или ещё чем проштрафится — приказчик молчит, только в тетрадку записывает. А как наступает воскресенье, тут он свою тетрадку и достаёт. Вычитает по ней все проступки и назначает, кому сквозь строй под багоги, кого на козлах розгами, а кого плетями наказать. Соберёт весь народ и начинает расправу. Не было воскресенья на том руднике без наказаний, и редкий из мастеровых не оказывался записанным в той тетради. Памятны были мастеровым эти «воскресные» дни, и назвали они свой рудник Воскресенским. Так это название за рудником и осталось.

Руду тогда плавляли на древесном угле, и надо было его много заготовлять. В Колыванском бору рубили для этого лучшие сосны, кряжевали их на чурбаки, кололи на части и укладывали крестообразно в кучи от восьми до десяти метров в окружности и до пяти метров в высоту. Затем кучу дерном обкладывали, оставляя продухи для тяги, и поджигали. Бывало дней десять такая куча горит, а как продухи закроют и куча остывает, её «разламывали» и уголь на завод вывозили.

Называли тогда такие кучи «кученками», и по всему Колыванскому бору их не одна сотня была. Иные из них горели, другие разламывались, в третьих укладка леса происходила. Над бором вечно стояла туча дыма. Работали лесорубы, задыхаясь от дыма, глотая пот и слёзы. За малейшую ошибку в выжиге угля жестоко наказывали. Нельзя было кучу разламывать, пока головёшки оставались, нельзя было допускать, чтобы золы было много — за это штрафовали, избивали нещадно. От Колы

вани на десятки километров выезжали лес рубить и «кученки» жечь. И сейчас много таких «кученок» найти можно. Уголь из них берут для самоваров и на другие нужды.

Быстро поредел Колыванский бор. Нечего вскоре стало выбирать для «кученок» — начали сплошь сосны валить. Так весь бор и выжгли. Пришлось из-за этого заводы останавливать. Случилось это тогда, когда Екатерина II хозяйкой Колыванских заводов была.

Опустела в то время Колывань. Больше половины домов заколочено было. Мастеровых угнали с родных мест на дальние заводы. Изредка начальство на закрытый завод наведывалось, проезжали мимо подводы, нагруженные камнем. Жителей, которые на старом месте остались, выгоняли дороги чинить, застрявшие воза из грязи вытягивать.

Зарастал забытый пруд, кривились и чернели избы, один лишь фабричный корпус с провалившейся крышей, из которой торчали остатки труб, напоминал о былом. Может быть, и захирела бы Колывань, затерлась среди деревушек, если бы не случилась надобность ближе к горам перенести фабрику, для которой лес был почти не надобен.

Всею причиной опять же царица — хозяйка заводов была. Мало ей показалось тех богатств, что с Колыванских заводов получала. Роскошные пиры и гулянья захотелось ей проводить в обширном дворце из цветных камней. Управители с ног сбились, как бы и эту прихоть исполнить. Начали ей разные камни показывать. Каждый норовил, чтобы его камушек понравился, а, известно, камни во множестве в горах бывают, потому туда своих людей посылали с крепким наказом найти самый что ни на есть красивейший. Думали таким способом поближе пристроиться к царице, на чужом горбу к богатству придти.

Колыванское начальство особенно старалось, потому как оно хозяйке угодить легко могло. Велик Алтай и камней в нём много различных. Любого цвета камень здесь найдётся. По речным долинам да осыпям набрали яшм, порфиров, кварцитов. Мрамора да гранитов и подавно много насобирали. И как царица те камни увидала, так и обомлела. Решила она, что из этих камней всего наделать можно: столов и диванов, каминов и чаш, ваз и канделябров. Приказала она везти ей с Алтая такие вещи, а серебра попрежнему добывать как можно больше.

Струсили начальники. Камешки-то они из галешника насобирали, а какой из гальки камин сделаешь, какая из неё ваза выйдет? Делать, однако, нечего, начали спешно фабрику строить на Локтевском заводе, возле Алея, потому как там гора из порфира была найдена.

Приказали мастерам порфир тот добывать большими кусками, чтобы вазы и прочее крупнее выходило. Дело пошло было на лад, да разве царице угодить. Шлёт заказы один за другим, чтобы из разных камней выполнялось для неё всё, что пожелает. Локтевский завод от гор далеко, камни возить туда — много народу надо, а делать из них чаши да столы тоже не так-то скоро.

А царица всё шлёт и шлёт один рисунок за другим. Видит начальство — не успеть на Локтевском заводе в маленькой мастерской и того сделать, что тому назад года два заказано. Вот тогда и решила настоящую фабрику построить, чтобы можно было сразу больше изделий производить. Выбрали для этого нашу Колывань, потому что плотина уже готова, а каменоломни значительно ближе.

Главным мастером по камнеделию был тогда на Локтевской шлифовальной «мельнице» Филипп Стрижков. Ему и поручили новую фабрику как можно быстрее построить и в действие пустить.

Филипп Стрижков из рядовых мастеровых вышел, и начальником его сделали из тех соображений, чтобы платить ему меньше, чем немцы требовали. Был он молодой, расторопный и, как старики сказывают, го-

разд на выдумку. Лесу тогда уже возле Колывани не было. Куда ни глянь — одни гранитные скалы. Потому он и решил фабрику построить из гранита.

В 1801 году начали гранит подвозить, плотину починять и стены фабричные выкладывать. Стрижков сперва один этаж построил и машины в нём в действие пустил. Февраль 1802 года едва наступил, а уже машины камни обрабатывать начали, между тем второй этаж ещё долго после того строился. В августе 1802 года фабрика была готова. Тогда на Локтевском заводе из камня ничего делать не стали и всех мастеровых к Стрижкову в Колывань отправили.

Что ни год, то краше изделия Стрижков в Петербург посылал, а обратно рисунки привозили. И ведь скажи, сделает фабрика чашу или вазу большую, а в рисунках ещё большую требуют. Выточат из камня такое, что и в сказках не встретишь, а из Петербурга ещё того фигурнее рисунок пришлют.

При Стрижкове мастеровым жилось много легче, чем потом довелось. Он норовил всякую вещь машиной сделать. Хитрые машины придумывал, а начальство старалось придумать такие рисунки, что и машиной трудно было выполнить. Академия художеств рисунками занималась, видные архитекторы над ними потели. Не сдавался Стрижков. Стало начальство запрещать ему строить новые машины — денег, видно, жалели, а рисунки того сложнее присылали и такие, что в гипсе с трудом и не всякий мог сделать. Подконец назначили сделать вазу, ножки у которой на крылатых зверей походили, а размером та ваза была так велика, что нигде ещё таких не было.

Сделал и её Стрижков на своих машинах, а вскоре и помер. Вместо него Лаулина послали фабрикой управлять. Был он так же из мастеровых, как и Стрижков. Во всё поступал попрежнему. Им построен второй корпус фабрики, который и поныне зовут «колоссальным». С виду он меньше того, что Стрижков построил, а название получил от вещей, которые в нём обрабатывались из камня.

Одна из стрижковских чаш известна, как «царица ваз». Сделана она из зелёноволнистой ревневской яшмы, одного из красивейших алтайских камней. Чаша эта весила 75 тонн, а диаметр имела более пяти метров.

Сложными были механизмы Колыванской шлифовальной фабрики для того времени. Но сама машина не могла без человека вещи делать. Вот почему приходится дивиться русской смекалке и мастерству. Много замечательных мастеров работало на Колыванской шлифовальной фабрике.

В 1912 году умер Иван Фёдорович Стрижков. Внук Филиппа Стрижкова, он работал на фабрике главным мастером. В конце прошлого столетия умерли: дед мой Воротников Тит Трофимович, Акулов Пётр Спиридонович, Сыромятников Сергей Игнатьевич. И вот уже в последние десятилетия умерли мой дядя Воротников Александр Титович, мастера, работавшие вместе со мною — Сыромятников С. И., Акулов П. П. Живы и сейчас ещё некоторые старейшие мастера: Владимиров И. И., Тихобаев М. Н., Зудов Ф. П., Поднебеснов П. И.

Исключительно одарённые люди работали на Колыванской фабрике. Они обеспечили ей славу. Не случайно на всемирной выставке 1851 года один из членов жюри, говоря об изделиях Колыванской шлифовальной фабрики, вынужден был признаться, что он не знает подобных изделий по массивности и красоте и думает, что их не было со времён древних греков и римлян. Ещё бы не то сказал этот член жюри, случись ему попасть в бывший дворец царя (ныне музей — Государственный Эрмитаж в Ленинграде), где стоят десятки изделий нашей фабрики, во много раз

красивее и массивнее тех, что были показаны на выставке 1851 года. Может быть там не вспомнил бы он греков и римлян — колыванские мастера превзошли их.

В книге Мисюрева «Легенды и были колывано-воскресенских рабочих», изданной в 1940 году в Новосибирске, правдиво написано:

«Поистине богатую и сильную душу нужно было иметь, чтобы в условиях горно-военного строя, под постоянной угрозой плетей, любить красоту. Никаких льгот и преимуществ колыванские мастера-камнерезы не имели. Они так же были внесены в список рабочей команды. На них шёл тот же паёк провианта — 2—3 пуда ржаной муки в месяц, а казначей отсчитывал каждому из них ежемесячно один полтинник. И это было всё... В этом с предельным цинизмом сказала сущность крепостничества.

Долгие годы трудились над вазой или колонной колыванские мастера, вкладывая в работу всё лучшее, что было в их душе. Прimitивная техника, когда-то бывшая лучшей в мире, не давала возможности ускорить ход кропотливой обточки или шлифовки цветного камня.

Нередко бывало так, что мастер на смертном одре завещал своему сыну или внуку своё незаконченное изделие, чтобы тот довёл его до совершенства. И, может быть, в голубую или зелёноволнистую яшму вкладывалась мечта о счастливой доле. Поэтому и прекрасны эти изделия. Потому они и живут, согретые огнём творческой мысли и лучших чувств народа. Мастера по камню были и остаются подлинно любителями своего дела, потому что их мастерство передавалось во плоти и крови из поколения в поколение».

III

Старые мастера мне не раз рассказывали, как жилось им, когда они крепостными самого царя были. Тяжела эта жизнь была. Фабрика тогда круглые сутки работала. Подневольный труд хотя и всегда тяжёл, но ночами он много тяжелее. Ночами в то время фабрику свечами освещали. Известно, какой свет от свечи. Многим сейчас керосиновая лампа темна, а свеча против неё, как уголь против костра. Мерцает она, коптит, а свету мало. Шлифовать же и узоры на камне резать ночью заставляли с той же точностью, что и днём. По двое очков мастера надевали и работали до потери сознания.

Старость «свободу» от тяжкой муки им приносила. Когда работали они, так отдыхать-то не приходилось. Выходных и праздничных дней им не полагалось, а про отпуска и вовсе помину не было. Уйдёт стариком бессильным с фабрики, — а быстро старели камнерезы, — и делать ничего не может. Пенсию ему тогда не давали, а если позднее её и получали, то была она 2 рубля в год. Вышвырнут за ворота, как рваный обуток, и как хочешь живи, хочешь — милостыню собирай, а не то помирай с голоду — кладбище-то рядом с фабрикой было, много на нём таких людей зарыто.

Работающие на фабрике также помочь не могли — сами гроши получали. Бывало, возьмут мальчишку на фабрику, поставят «учеником». Жалованье «ученику» в год 6 рублей давали, а на одни штрафы у редкого меньше того вычитали. Лег десятков работает — старается, и всё «ученик». Не любило начальство быстро их в мастера выдвигать, убытком это считали. А самому лучшему мастеру в год не более 80 рублей платили. Какие уж тут достатки. Себя бы да жену с ребятишками прокормить. Напрасно в такой дом нищие стучали. В доме-то не богаче нищих жили. Одна слава, что мастер, а жить-то ему не на что было.

Хуже всего жилось колыванским камнерезам при управляющем Вецеле. Карлом Христиановичем его звали. Из чужих краёв этого злодей

наняли и на фабрику назначили. Вецель приехал, когда «царица ваз» ещё в отделе была. Лаулин помер, не закончив этой чаши.

Немец начал свои порядки наводить. Чего только не выдумывал этот изувер, чтобы человека принизить, показать ему, что вещь он и крепостной раб. Всегда он находил причину, чтобы лучшим мастерам «место показать», как начальство говаривало. А мастеровых да учеников и вовсе в такие тиски зажал — не вздохнуть.

Первым делом Вецель приказал, чтоб при встрече с ним или его родственниками мастеровые в струнку вытягивались. Непременно при этом мастеровой обязан руки по швам вытянуть, а шапка с головы его по щучьему велению должна была слететь моментально, — махать руками, чтобы шапку сдёрнуть не полагалось.

Собака Вецелева такими же правами пользовалась, как и члены его семьи. Бегаёт ли она или на месте сидит — встречный мастеровой ей ту же почесть оказывать был обязан. Не домыслил, видать, Вецель, что тем самым собаку к родне своей приписал.

К шапке тогда особую верёвочку пришивали, чтобы способнее было с головы сбросить. Старики рассказывали, что даже особых учителей Вецель назначил, чтобы они обучали, как шапку сдёргивать. Всякого, кто порядок этот нарушал, беспощадно розгами пороли. Любил Вецель смотреть, как порют, сам всегда назначал, когда порку кончить можно. Нравилось ему, чтоб под розгами кричали, а кто молчал, таких часто до смерти запарывали.

За ошибку в работе пороли так, что до костей просекали. Били мастерового и без особых причин: за то, что его жена на завалинке сидела, за то, что он из самовара чай вечером пил, песню дома пел. Одного мастерового выпороли за то, что Вецель видел, как его жена по воду в ситцевом платье ходила. После порки ему сказали, за что пороли, и велели жену поучить, чтобы ситцевое платье для хождения в церковь берегла, а за водой в домотканном ходила.

За что иногда пороли — трудно было и определить. Одного выпорют за то, что молчал, когда спрашивали, другого за то, что отвечал на вопросы. Иного за то, что оглянулся на начальника, когда он мимо проходил. Другого за то, что не посмотрел на начальника, шедшего мимо.

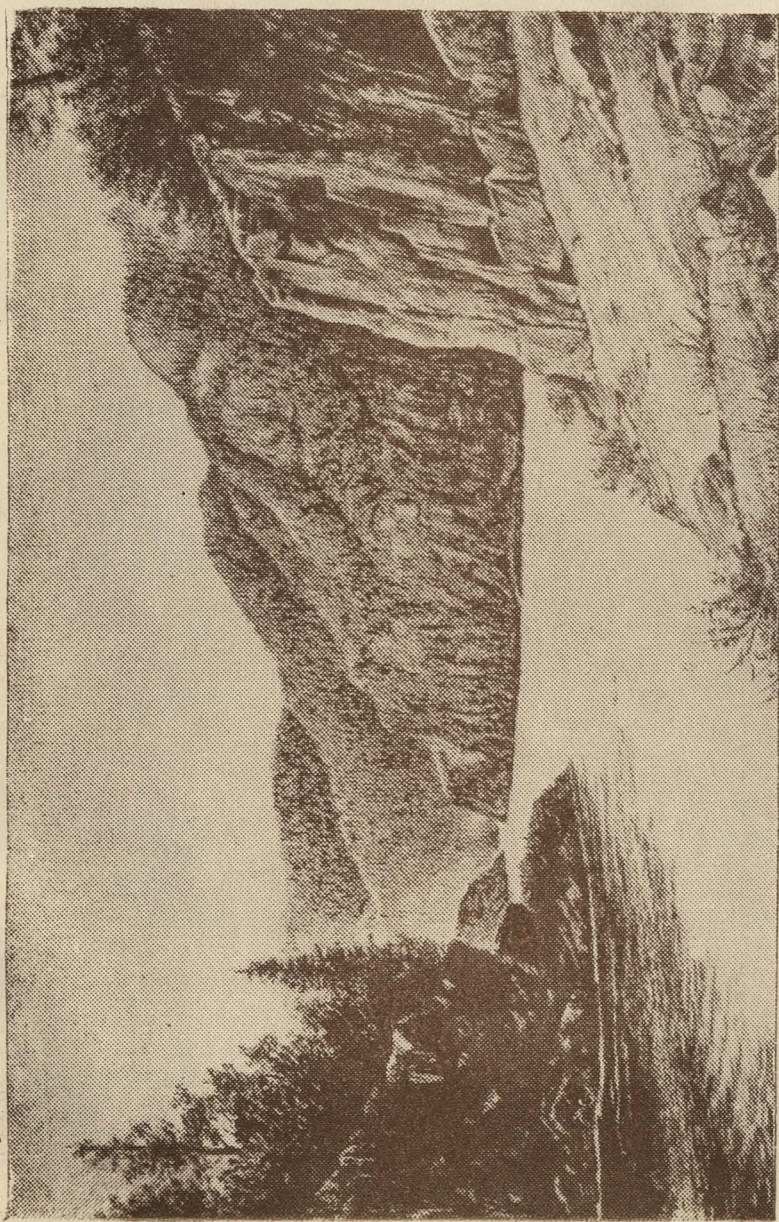
Молодым женщина и девушкам Вецель проходу не давал. Малым ребятам — и тем от него доставалось. Почти 20 лет Вецель Кольванской шлифовальной фабрикой управлял. Сколько крови пролил он за эти годы, сколько вдов и сирот оставил, сколько людей искалечил! А начальство его не забывало. Золотые табакерки, кольца с бриллиантами, денежные награды сыпались из Петербурга ему, как из доброй тучи дождь. Орден на грудь ему повесили. Фабрика же больше занималась доделкой тех изделий, которые Лаулин не закончил.

Большой, наверно, праздник был в Кольвани, когда Вецеля на кладбище несли. Похоронен он в Горной Кольвани. Тяжёлая гранитная плита лежит на его могиле, а сверху её колонна из розового кварцита была поставлена. Крепок кварцит, но не устоял. Переломили колонну, и валяются её обломки на могильной плите, подёрнувшейся дерном, заросшей бурьяном и чертополохом.

Тскоре после смерти Вецеля царь объявил об «отмене» крепостного права. Для алтайских мастеровых об этом особый указ был издан.

IV

Перед тем, как народу о «свободе» объявить, царь долго размышлял, как бы при том себя не обидеть. Из-за этих размышлений он, видимо, и про фабрику нашу временно забыл. Заказы редко поступать от него начали. Фабрика работала без спешки. В то время и назначили управ-

Пейзажи родного края. У горы Громотухи.

Рис. художн. А. Заборского.

ляющим Кольванской шлифовальной фабрики Ивана Александровича Злобина.

Был он в генеральском чине. На фабрике раз в год появлялся. Старики вспоминали, что за неделю, если не раньше, как Злобину на фабрику прийти, начиналась генеральная уборка. Спешно подбеливали стены, чистили станки. Мастера и рабочие сразу догадывались, что Злобина вскоре ожидать нужно.

Квартира его от фабрики не далее ста метров находилась. Была в ней всего одна комната, которая ему кабинетом, столовой и спальней служила. Зимой Злобин из неё не выходил совершенно, и потому рабочие в шутку говаривали, что управляющий на зиму умирает и оживает весной. Доступ к нему имели всего два человека: его заместитель и денщик. Да и заместитель отважился посещать управляющего только тогда, когда бумаги важные подписать было нужно или о чём-либо серьёзном доложить.

В летнее время Злобин в саду находился, где для него ниша из камня была сделана. В эту нишу те же два человека доступ имели. Злобин во всё доверял своему заместителю Александру Петровичу Залесову.

Много забавных историй про Залесова рассказывали старые мастера. Был он человек образованный, по специальности художник. В хозяйственных делах смыслил мало.

Однажды у конюха вилы сломались. Делали их тогда в плотничной мастерской, но на это приказ был нужен. Приходит конюх к Залесову и говорит: так мол и так, ваше благородие, вилы вот сломались, прикажите в плотницкой мастерской новые сделать.

Посмотрел на него Залесов, да как закричит: «Что? Что?! Мастером всякой дрянью загружать? Возьми горбыль, да сам и сделай!» «Ваше благородие, — возражает конюх, — из горбыля вилы не делают. Берёза сырая, внешней заготовки на то требуется». Железныхвил тогда в обиходе не имелось. Выслушал его Залесов и приказал: если, мол, ты из горбыля вилы делать не можешь, то ступай к плотникам и скажи — пусть они возьмут горбыль потолще и вилы тебе сделают. Приказ нарушить нельзя. Пошёл конюх в плотницкую и рассказал, что ему велено начальством. Ну, конечно, там над приказом таким долго смеялись, а вилы сделали как положено — из берёзы.

Странностей у Залесова много было. Образованный человек был, а поди ж ты, такое допускал, что и ученику в голову не приходило. Придёт бывало в цех и как увидит, что мастер с циркулем и линейкой наметку делает, тут и встанет. Долго на работу смотрит, как мастер с оригинального чертежа на камень рисунок переводит, а потом и начнёт доказывать, что мастер ошибся. И доказывает при том самым неуместным путём. Зажмёт все пальцы на руках, указательные вытянет и упрётся ими меж двумя линиями оригинала. А потом, не разводя рук, в том же положении в соответственное место на камне тычет. Вполне понятно, что так измерять нельзя. Мало ли от чего руки дрогнут и пальцы разойдутся. Залесов же был в себе уверен и непременно обнаруживал «ошибку» в наметке.

Тычет, тычет так-то, пока все точки не проверит, а потом и скажет: «Видишь, как оно правильно-то выходит. Вот не подойди я, — испортил бы ты камень». Мастер, понятно, на словах ему не перечит, даже благодарит за науку. Отметки на камне против пальцев Залесова мелком отчёркивает. Довольным уходит тогда из цеха Залесов: вот, мол, мастера научил и изделие исправил.

А как Залесов уйдёт, начинается потеха. Мастера друг другу показывают, куда он пальцами в камне тыкал, контур по его наметке мелком обведут и над кривыми фигурами потешаются. Натешатся так-то довольно, а потом мокрой тряпкой камень оботрут и ведут работу по своим засечкам.

Хвалил Залесов таких мастеров, которые таким-то образом его «слушались». На деле же во всей фабрике единого человека не было, кто пальцы Залесова точнее циркуля считал. Такие вот начальники на нашем заводе прежде бывали. Правду сказать, чудачества Залесова только народ потешали и работать веселей было. Потому вспоминают о нём больше без злости, с усмешкой.

Похоронили Залесова на кладбище в Кольвани. Плита на его могиле к оградке кладбищенской пригнута. Остался от неё лишь один обломок, на котором чётко написано: «Здесь похоронен коллежский асессор Залесов Александр Петрович»...

Злобина же возле церкви похоронили, потому что церковь эту он как архитектор строил, о чём и на памятнике было сказано, но сейчас та надпись уже стёрлась. Много домов построил Злобин в Кольвани, которые и по сей день целы. По его рисункам часто изделия делали: разных зверей, птиц и цветы. Учеников при нём лепке из воска обучали и резбе по камню с натуры.

При Злобине мастеровым Кольванской шлифовальной фабрики указ царя объявили об отмене крепостного права. Положение дел после указа не изменилось. Только в том и «свободу» почувствовали, что по воскресным дням да по праздникам работать не стали. Мастеровых с тех пор рабочими называли, да это не в новинку было: часто и до того их так называли. Праздники появились у рабочих не потому, что начальство решило им отдых сделать, а потому, что заказов было мало и можно было их выполнять не спеша.

Старики рассказывали, что отмена крепостного права незамеченной на фабрике прошла. Говорят, что поначалу старикам, которым на пенсию было пора, при «освобождении» по десятине покоса отдали пожизненно. А что с такой десятиной старик мог делать, если у него скота — кошка да собака. С этой десятиной конфуз вышел. Думали мастеровые и их дети, что та земля и в самом деле им принадлежит, но как только старики померли, землю у сыновей отобрали. Пожизненно, говорят, царь жаловал, раз старик помер, следовательно, земля обратно возвращается.

Нет, не получил тогда народ свободы, услышал лишь такое слово. Долго ещё свободу настоящую ждать пришлось — до Великого Октября.

V

В 1895 году назначили нам управляющим Ивачёва Павла Андреевича. Из старинного рода камнерезов происходил Ивачёв. Дед его при Стрижкове Филиппе мастером на нашей фабрике работал. Павел Андреевич Академию художеств окончил, был человек образованный. При нём на фабрику новые машины привезли, но большинство станков как были Стрижковым ещё устроены, так и оставались.

Работа медленно шла потому, что примитивным способом камни от скалы отрывали. Разные способы при этом применялись. Выбрав камень, в котором трещин не видать или малы и незначительны, прикидывали его размер и форму, смотря по изделию, на которое тот камень назначался. Потом ручными свёрлами отверстия по будущему резу сверлили, излишние края отбивали. При этом часто наставкой пользовались. Наставкой называлось большое долото, на жерди укреплённое. Наставят её на камень и кувалдой по обуху колотят до тех пор, пока кусок не отлетит. Наставки применяли и для отделения камня, когда трещина заметной становилась.

На Ревневской каменоломне наставку боялись применять. Камень там такой, что при ударе в разных направлениях трещины даёт. Потому там от начала до конца поступали так, как первоначальную трещину делали. Бывало высверлят отверстия вдоль будущего реза и зиму ждут.

Зимою в отверстия воду наливают, а когда она замерзала, то распирала камень и мелкие трещинки делала. Выскребут лёд и снова воды наливают; трещины льдом ещё шире раздавало. Подпослед воду в трещину лили и работа быстрее шла.

Много раз приходилось воду наливать, а носили её из Логовушки. Речка эта близ каменоломни протекала, под скалой. Тяжело было воду наверх подымать. Тропы обледенеют, и достаточно было одного неловкого движения, чтоб вместе с ведром увяз сорваться. Иные получали увечья и становились калеками.

Если камень отделяли летом, то опять же воду в отверстия и щели заливали, а сверху заделывали накрепко. Разведут на том месте костры, а камень от жары и водяного пара трещины даёт. Чего только ни применяли, чтобы камень отделить. Бывало клинья забивали, ломami и воротами те клинья расшатывали. Тяжело было на каменоломне и зимою и летом работать.

Когда камень от скалы отваливался, его осматривали со всех сторон. Рисунки с него по масштабу рисовали и на фабрику возили. Бывало и так, что отделённый камень оказывался непригодным: то мал, то трещиноват, то формой не подходит. Приходилось вновь камень искать. Пока расчистят вокруг него потрескавшиеся куски, до нужных пределов в скалу углубятся, время-то много проходило.

Готовый камень нужно было вниз спустить, а весу в нём бывало до 1000 пудов и более. На руках его со скалы не снимешь и просто так не спихнёшь — растрескаться может. Издавна повелось камень спускать на тормозах, как теперь сказали бы. К готовому камню большие куски пихт привязывали вместе с сучьями. Обвяжут его вокруг и в речную долину сбросят. Норовили, чтобы камень в воду не ушёл и на острые уступы не попал. Бывало как полетит он вниз — такой треск подымется — ничего не слышать.

Спущенный камень на сани подымали и к ним прикрепляли крепко. Сани всякий раз особые делали, длиною пять, а в ширину два метра. На верхней площадке камня ограждение делали с перилами. Здесь обычно становился тот, кто доставкой камня руководил. Сани устанавливали на круглые брёвна — подмоги. Установят камень на санях и ждут, пока лёд на речке не окрепнет.

Камни на фабрику доставляли две партии: одна с Гольцовского рудника, другая из Колывани. Гольцовскими крестьянами, что камень доставлять брались, руководил Филипп Кузьмич Буньков, колыванскими — Евдоким Иванович Ларионов.

Первоначально камень нужно было из ущелья вытянуть на главную дорогу. Главной, или конной дорогой называли путь до Колывани от конца ущелья. Частые повороты в ущелье не давали возможности конную тягу применять, и потому камень тащили люди. Чтобы иной камень сдвинуть с места, требовалось до 250 человек.

Делали это так. Длинные толстые канаты к саням привязывали, а вдоль их лямки с петлями устроены были. В каждую лямку человек впрягался. Как все на место встанут, Ларионов на камень подымается и команду подаёт. Сперва канаты подёргивали, чтоб сани с места стянуть. А чтобы разом работать, песню запевали, на манер дубинушки. На определённых словах её канат натягивали, на других — опускали.

Долга эта песня была. Камень-то за сутки всего на полкилометра подтянуть успевали. Тянут бывало неделю, другую, а то и месяц, смотря по его величине и погоде. Бывало до того напоются, что и слов не слышно, один лишь рёв да стоны. Оттого, видать, и каменоломню Ревневой называли, что с рёвом камни от неё волокли.

Вытянут один камень и за другим отправляются, а по дороге вторую партию встречают, которая камень волокёт. За зиму не более четырёх камней доставлять успевали, а до фабрики ещё порядочное расстояние

оставалось. Так и лежали на санях те камни до следующей зимы, потому что летом везти их было нельзя.

Осенью у тех саней Буньков с Ларионовым встречались и с ними помощники. Почти месяц они дорогу до фабрики провешивали. Ставили вешки прямо по тому месту, где сани должны были идти. Речки, ручьи, небольшие овраги и бугры, болота и мелкий кустарник в расчёт не брали, лишь бы на пути камней не было, опасного раската случиться не могло и сильно крутых подъёмов и спусков.

В ноябре у саней много народу собиралось. Коней табун пригоняли. Со своими помощниками Ларионов или Буньков, смотря, чей камень к доставке назначался, являлись первыми. Меж тем ещё летней порой к саням по три оглобли делали и дуги на двух лошадей готовили. В эти оглобли в коренники самые сильные и рослые лошади впрягались, а с боков по пристяжке. От оглобель и пристяжек канаты тянулись метров на 220 каждый. Толщина их была невероятной — до 10 сантиметров. Ближние к камню концы канатов к саням накрепко привязывались и меж собою через определённые промежутки вальками деревянными соединялись, с расчётом, чтобы между каждыми соседними вальками лошадь могла встать.

Заводили в упряжку лошадей в хомутах со шлеями. Канаты с гужами скреплялись. Каждая лошадь взнуздывалась и имела вожжи. В запряжку до 120 лошадей впрягали, по четыре в ряду, и через ряд ездовой на лошади, который вожжи держал и лошадьми правил в передней перед ним четвёрке. Кроме вожжей и кнута ездовому ничего иметь не полагалось.

На переднюю четвёрку ездовой особый подбирался — такой, про каких говорят: парень не промах. Смелым он должен быть, находчивым, чтобы глаза всё кругом видели. Озорных на такое дело не брали и строго следили, чтобы слышал передний ездовой всё за версту. Какое бы имя передний ездовой ни носил, во время доставки камня его звали «Шишка». Откуда и почему такое название получилось, никто рассказать мне не мог. «Шишка» и всё. Говорят, так давно уже повелось.

Кони в четвёрку, где Шишка садился, подбирались такие, на которых хоть в огонь, хоть в воду. Ничего те кони не боялись, быстрые, как ветер, были и без норова.

Бывало запрягут и сядут ездовые на место, Ларионов всю как есть запряжку осмотрит, каждый узел проверит и тогда уже на камень за перила становится. А как встанет, снимет шапку, высоко её подымет и, махнув ею, гикнет: «Пошёл!». Разом кони с места сдёргивают.

В начале не быстро вперёд подавались, а потом всё быстрее и быстрее. И как наберут скорость — не остановишь. Только снег визжит да сучья трещат под полозьями. Мелькают по бокам сосны, овраги и скалы. Летит, как стая соколов, табун разгорячённых коней.

Не бывало, чтобы кто-либо из ездовых вскрикнул, только кнуты по-свистывают да копыта цокают. В снежной пыли, как в облаке, то взлетающая на бугры, то скрываясь в низинах, мчатся кони.

Ларионов зорко вперёд всматривался и, по вешкам правя, команду подавал: «Шишка, вправо!», «Шишка, влево!», «Шишка, прямо!». И слушала его, опьяневшая от быстрого бега, упряжка.

По бокам, на бойких конях, помощники в нужном месте под полозья бочонки и чурки подкидывали, а потом спешили и подбирали брошенное, коль ещё годилось в дело, и вновь догоняли камень. Далеко впереди верховые дорогу нащупывали, и по ихнему следу Шишка должен был заключать, где коням дать полную волю, а где попридержать, чтобы не случилось раската и не смял тяжёлый камень упряжку.

Большая удача была нужна, чтоб отважиться на такую поездку ездовым. Крепко нужно было на коне сидеть. Свались кто из них — пропал. Камня не остановишь. Недаром и сейчас вспоминают лихих ездовых,

смелых простых русских людей. Помнят последних руководителей такой доставки — Бунькова и Ларионова. Я их ещё живыми застал. Стары они уже были, а как услышат бывало, что камень доставлять нужно, просят начальство допустить их на это дело.

Почти все жители Колывани выходили далеко за село камень встречать. Завидят упряжку — дорогу уступают и долго бегут вслед за камнем. В самой Колывани камень везли по широкой прямой улице. От таких поездок она и выпрямилась. Всякое препятствие на пути здесь разбиралось, что бы это ни было. Поневоле никто на той улице не строился, чтоб не нарушить прямую линию. Не было, однако, прямого пути по Колывани до фабричного двора. Приходилось делать повороты под прямым углом. Четыре таких поворота имелось.

На повороте норовили камень по середине переулка поставить, по которому дальше везти его было нужно. Лошадей выпрягали, а канаты отвязывали, коренников из оглобель выводили. Шишка в переулок лошадей отводил и ожидал, когда сани повернут. Сани на месте поворачивали аншпугами. Так называли брёвна средней толщины, которые употребляли как рычаги. Укрепят концы аншпугов под санями сверх полозьев, ухватятся за каждый по несколько человек и под ту же песню, с которой камни из ущелья тянули, стараются сани повернуть. Ларионов команду подаёт.

Охотников за аншпуги братья много находилось. Начальство им не платило за это, но разве можно устоять и не помочь Ларионову и ездovým после их геройской поездки. Так и тянули камень через всё село от поворота к повороту, пока в ограду фабрики не въедут. К зданию камень снова людьми подтягивали, потому — негде было лошадям расположиться. А в это время в Колывани Буньков на поворотах второй камень направлял. Вскоре почти без отдыха Ларионов за третьим камнем отправлялся, разве только коням давали остыть.

Раньше, при Вецеле, другой порядок доставки был. Людьми камень от каменоломни до фабрики тянули. Камни доставлялись и с высоких Тигиретских гор и с далёкого Коргона, до которого все 160 километров будет. Когда «царицу ваз» делали, то камень с Ревневской каменоломни тащили. Тысячу человек тогда в лямки впрягли, и доставка продолжалась 6 месяцев.

VI

В те годы из Петербурга и Москвы в Колывань часто приезжали чиновники и купцы. Нравилась им наша природа, видно, потому и отдыхать, как на курорт или в дом отдыха, ехали. Бывало, за прудом на лесных полянках по склону горы Фабричной натянут палаток — что твой лагерь. Больше всего в тех палатках молодые чиновники жили. Дамы и кто посolidней квартиры нанимали.

Как вечер — у пруда гуляние устроят. Музыка гремит, танцы, песни, костры выше сосен. Иной из чиновников с народом заговаривает, о старине побылки спрашивает. Расскажут ему какую-либо сказку Пушкина или чью другую, а он строчит. Читать, видно, тех сказок ему не приходилось. Дамы начнут говорить — не поймёшь, из какой страны они выехали: русского слова правильно произнести не могут.

Ездили часто на озёра Белое, Колыванское; на Очаровательную скалу любили лезать — есть у нас неподалёку скала такая из гранитных глыб, не очень чтоб высока, а красоты изумительной. От нечего делать иногда на фабрику приходили. Вообще всё эти люди делали, что хотели. Смотришь бывало на них и думаешь — как живут люди, — вся жизнь у них — сплошной праздник.

То ли Андреев хотел перед ними форснуть или ещё по какой причине, — решил он фабрику богатой показать. Конечно, неплохо, когда на

фабрике чисто, уютно, цветы, ковры и мебель — работать как-то даже приятно. Но Андреев культуру прививать начал не с того, с чего бы следовало.

Первым делом он строжайшую дисциплину завёл, а для поддержания её особую тетрадь в конторке положил и за каждым рабочим в неё штрафы записывал. За опоздание на работу на 5 минут рубль штраф уложил. За брошенный на пол окуроч в цехе со всех без исключения, кто в цехе работает, курит ли он или никогда не курил, по 50 копеек. Прочие штрафы тоже были определены. При таких порядках часто бывало, что к получке из 15 рублей по десятке и меньше на руки оставалось, всё остальное на штрафы уходило. Денег на этом Андреев скопил порядочно. С этим капиталом и начал «культуру» насаждать.

Первым делом полы в фабрике, которые ещё от Филиппа Стрижкова остались, перестлали, парадную лестницу построили и художественно её оформили. При входе вывеску золотыми буквами написали, что сия Кольванская шлифовальная фабрика его величеству принадлежит. Над верхним концом лестницы двуглавого орла прибили, а лестницу ковром устлали. Таковую чудо-лестницу не стыдно было во дворце иметь.

Рабочим той лестнице строго-настроено запрещено было ходить, для них особый чёрный ход сделали. С тех, кто это нарушить осмеливался, брался штраф до трёх рублей. Находились всё же такие рабочие, которые норовили по лестнице той на верхний этаж подняться. Иным и удавалось, а большинство попадалось. По парадной лестнице сам Андреев, его заместитель да отдыхающие ходили. Для них она и строилась.

На фабрику Андреев, не в пример Злобину, раз по 10 в день забегал. Бегать он был здоров. Бывало увидит в окно кто-либо Андреева во дворе и крикнет: «Ребята, управляющий идёт», а тут кто-нибудь из молодых к окну сунется, чтобы глянуть, далеко ли. Не успеет он до окна дойти, а Андреев уже за спиной. Постоит немного, ничего не скажет — и в конторку. А как выйдет из фабрики, мастер тому любопытному и объявит: «Рубль штраф на тебя написан».

Начал наш управляющий и рабочие места приводить в порядок. Пол на фабрике два раза в неделю мыли, а мели два раза в сутки. Чтобы абразив на пол не капал, возле каждого станка рогожу постлали. С края рогожи эмалированный таз с тёплой водой, мыло, полотенце и греческая губка для обтирания изделий.

В каждом из цехов зеркало было повешено, и требовал Андреев, чтобы все были аккуратно причёсаны и одеты. Бывало заметит неаккуратного и оштрафует. Всё это также на штрафные деньги было заведено.

Вскоре штрафных денег Андрееву стало мало. Тогда он вдобавок другие средства изыскал. Заказал каждому парусиновый костюм, взрослым рабочим карманные часы, ботинки и галоши. За всё это деньги с рабочих вычитались с рассрочкой на год. Иные из рабочих пробовали возражать, потому — на что им часы были, если есть нечего. Но Андреев не рассуждал. Хочешь — не бери ни ботинок, ни часов, а деньги всё равно вычтут и ещё штраф возьмут, что одет не по форме.

Под конец Андреев выдумал договора с каждым рабочим заключать. В договоре том было записано, что рабочий за малейшую ошибку в работе отвечает своим движимым и недвижимым имуществом. Заключение договоров Андреев главному мастеру поручил. Главным мастером тогда работал правнук Филиппа Стрижкова — Изан Фёдорович Стрижков. Мягкий был по характеру человек. Ни одного договора у него рабочие не подписали.

Видит Андреев, дело не клеится — сам взялся. Стал он поодиночке рабочих к себе вызывать. Сначала молодых, да неопытных, а потом и до мастеров дошёл. Бывало пристанет к кому — душу вымотает. И ведь все подписали. Началась меж рабочими ссора, особенно на тех злились, которые первыми подписались.

Следом за тем Андреев ещё одну тетрадь завёл. В ней подробно записывали, кто какую работу по каждому изделию делает. На особых рисунках мастера штриховали, что сделано, каждому особый штрих был назначен. Тетрадь ту Андреев каждый день просматривал и с оригиналом сверял. Работали тогда аккуратно. Боялись малейшую ошибку допустить. Надо сказать, случаев таких, чтобы чьё-нибудь имущество продали за ошибки, не бывало. Больших ошибок не допускали, а за малые на такое отважиться Андреев не мог, после 1905 года он рабочих опасался.

Когда все эти мероприятия Андреев завершил, тогда и театр в Горной Колывани организовал. Вырезали в рисовальной школе две стены и зрительный зал со сценой устроили. Декорации сам Андреев писал, а артистами любителей пригласил из молодёжи и местной интеллигенции. Ходил ли кто из рабочих на спектакли или вовсе не бывал в том театре, из жалования всё равно вычитали. На эти деньги и декорации писали и чаепитие во время репетиций устраивали. Артисты денег не получали.

Работал на фабрике Андреев до 1910 года. При нём часовню Александру II закончили. Был ещё один крупный заказ — памятник на реке Ванной делали инженеру-минерологу, который в той речке утонул. Товарищи его по подписке деньги на памятник собрали.

Делали памятник на месте из тамошнего камня. Высотой он был 6 аршин, в основании квадрат той же длины. Имел он форму пирамиды. Филёнки и надпись к нему на фабрике изготовили из зеленоволистой яшмы.

Работа была начата в 1907 году и продолжалась 3 месяца. На верховья реки Коксу для этого 14 рабочих с мастером фабрика посылала. Это был последний крупный заказ при царизме. После того на вазочки маленькие, письменные приборы и разные мелкие изделия перешли. Старые мастера в большинстве на отдых ушли или умерли. Новых ждать было нечего — школа давно уже не работала, «учеников» не набирали. Фабрика захирела.

Хозяину фабрики — царю также, видно, не до роскоши было. Чувал он, наверное, что скоро революция случится, — про фабрику забыл, заказов совсем не посылал. Вскоре после начала войны в 1914 году Колыванская шлифовальная фабрика остановилась. Куда последний её управляющий делся и кто он был по фамилии — не помню. Ничем он себя не проявил и на фабрике его не видели. Фабрика снова начала работать только при Советской власти.